

Завершился первый тур трехкругового матча между "Ноттингем Форест" и "Арсеналом". Форест" выиграл с перевесом в один мяч. Венгер не был недоволен, настроение всей команды "Арсенала" не пострадало от этого поражения, поэтому у Фабрегаса было настроение обменяться футболками с Вудом после окончания матча.

Твен тоже был в хорошем настроении. Ему было все равно, какую тактику придумал Венгер; все, что он знал, это то, что добыть победу было безопаснее всего. Он никогда не верил в такие слова, как "что мы будем делать в будущем", "что мы будем делать в следующем раунде".

Ему пришлось на время выбросить Лигу чемпионов УЕФА из своих мыслей, лига была не менее важна.

С начала апреля по 22 мая эти два месяца были самым решающим периодом сезона для Тони Твена. От результатов этих двух месяцев зависит, смогут ли они получить какую-либо отдачу за тяжелую работу в сезоне.

Они могут стать славными "требл-победителями", а могут потерпеть крах на последнем этапе и не получить ничего.

Это самые напряженные дни для менеджеров за весь сезон. Они будут настолько заняты, что не смогут ни о чем заботиться. Из-за этого каждый раз, когда Твен возвращался в свой большой, темный дом, он чувствовал необыкновенную усталость. Менеджеров, которые долгое время жили отдельно со своей женой, можно было, наверное, пересчитать по пальцам одной руки.

Наконец-то пришли хорошие новости.

Завершив работу в Америке, Шанайа отказалась от интервью и банкета и досрочно вернулась в Англию.

В этот момент Твен, облокотившись на дверную раму, прихлебывал кофе, спокойно глядя на Шанайу, занятую перед стиральной машиной.

Поклонникам, любившим Шанайу, вероятно, трудно представить себе такую сцену. Супермодель, блиставшая на подиуме, суперзвезда, которая в глазах средств массовой информации была маньяком, навела бы порядок в комнате, как обычная женщина дома, доставая кучи и кучи грязной одежды, прежде чем бросить ее в стиральную машину.

Затем она надела фартук, чтобы помыть посуду и приготовить еду.

Твен не собирался помогать, вместо этого он наслаждался видом. Наблюдение за тем, как его жена занимается домом, дало ему ощущение, что это семья.

"Дядя Тони".

"Хм?"

"На что ты смотришь?"

"На тебя".

"Неужели на меня так приятно смотреть?", сказала Шанайа с улыбкой, "после стольких лет брака, разве ты не насмотрелся на меня?".

"Прошло довольно много времени, я хочу посмотреть, чем я наполнена".

"Шанайа на мгновение замолчала, прежде чем спросить: "Дядя Тони, как насчет того, чтобы я бросила работу модели?".

Очевидно, она ошиблась в смысле Твена.

"Ай, о чем ты говоришь? Я не это имел в виду. Я не хочу сейчас заниматься ничем другим, я просто хочу смотреть на тебя, мне этого достаточно. Не думай ни о чем другом", - сказал Твен.

Твен поставил свою кружку с кофе и вошел, чтобы помочь.

"Но теперь все хорошо, у меня ничего нет до лета, я могу все время быть рядом с тобой", - радостно сказала Шанайа. Она тоже с нетерпением ждала таких дней. В обычные дни она была звездой высокого уровня, но ее не интересовали события в кругах развлечений, и она не жаждала внимания прессы. Она также редко посещала роскошные магазины, ее любимым способом проведения личного времени было оставаться с мужем, даже лежать на диване, смотря DVD, было лучше, чем выходить на улицу, чтобы ее сфотографировали репортеры.

Именно поэтому СМИ говорили, что она - новатор в модельном мире и Голливуде.

Твен улыбнулся, услышав ее слова.

Для него самым большим преимуществом было то, что он мог сосредоточить все свое внимание на футболе без всяких забот. Но для Шанайи, она получала бы немного меньше любви. Что поделать, это был спринт сезона. Так было бы каждый сезон - Шанайа возвращалась бы, чтобы заботиться о Твене и наслаждаться их совместным временем, в то время как Твену приходилось бы делить свое внимание. Половину - жене, а половину - футболу. Шанайе казалось, что это немного несправедливо...

К счастью для Твена, у него была понимающая жена.

Если не считать случайных жалоб и ревности к футболу, Шанайа вообще не была недовольна.

Каждый раз, когда он думал об этом, Твен чувствовал, что должен поблагодарить Шанайю. Причина, по которой он мог наслаждаться тем успехом, который имел сейчас, заключалась в том, что он мог претендовать на половину заслуг, в то время как его жена имела половину. Нелегко было иметь жену-звезду, тем более с характером. Но когда Шанайа была с ним, она жертвовала своей индивидуальностью, чтобы удовлетворить его потребности. Феминистки могут считать, что Твен был слишком шовинистичен, но именно такой должна быть супружеская жизнь. Кто-то должен был пожертвовать частью своих преимуществ, нужно было идти на компромиссы.

Твен тогда думал о том, что он не хочет оставаться в этом бизнесе до 70 лет, прежде чем уйти на пенсию, как Фергюсон. Потому что в этом случае у него останется мало времени для общения с женой. Когда он выйдет на пенсию, он отдаст все, что у него есть, чтобы компенсировать своей жене всю любовь, которую он ей задолжал.

Карьера модели коротка, и Шанайа не собиралась добиваться больших успехов в бобинном бизнесе. Поэтому, когда Твен выйдет на пенсию, Шанайе, скорее всего, уже не придется работать моделью. Когда это время придет, у них двоих будет много времени, чтобы устроить свою собственную жизнь. Во-первых, Твен хотел путешествовать по миру вместе с Шанайей. Побывать там, где они еще никогда не бывали, во всех уголках мира. В утопию, где не было бы

СМИ или каких-либо конфликтов, как будто они были единственными оставшимися в этом мире, наслаждаясь обществом друг друга...

Твен погрузился в размышления, продолжая мыть тарелку, по которой текла вода.

"О чем ты думаешь, дядя Тони?", - спросила Шанайа, заметив ненормальность Твена.

"Ах...", - пробормотал Твен, глядя на давно вымытую тарелку. Он отставил ее в сторону и выключил кран, улыбнулся Шанайе и сказал: "Я думаю о нашей жизни после выхода на пенсию".

Шанайе тоже стало интересно, она отложила то, над чем работала, и спросила: "О чем ты подумал, это интересно?".

"Я думал о том, чтобы путешествовать по миру вместе с вами. Куда ты хочешь поехать?", - спросил Твен.

"Хм...", - Шанайа подняла голову, задумавшись, - "Есть слишком много мест, где я хочу побывать..."

"Ничего, у нас еще много времени", - ответил Твен.

"Вы уже решили, когда уйдете на пенсию?", - спросила Шанайа.

"Пока нет, но я не буду ждать, пока мне исполнится 60 или 70 лет. Тогда я стану старым и смогу только сидеть на заднем дворе, загорать, тогда это будет бессмысленно", - ответил Твен, вытирая руки насухо, а затем подошел к Шанайе и нежно обнял ее. "Когда придет время, мы отправимся в места, где никогда не были. Ты ведь любишь мороженое, правда? Мы будем есть, пока исследуем, и я дам тебе попробовать все мороженое в мире".

Шанайа почувствовала дыхание Твена на своем затылке, и ей стало щекотно, что вызвало смех, когда она ответила: "А ты не боишься, что я съем так много, что растолстею?".

"Старик и его толстая жена, это будет еще более совместимо", - сказал Твен, глядя Шанайю по ушам и волосам сзади. "Мы очень совместимы, Шанайа".

Шанайа не стала спорить со словами Твена "старик" и "толстая жена", она лежала на широкой груди Твена, наслаждаясь этим теплым моментом. Возможно, Твену было трудно вытерпеть, когда он был один в Англии, но разве не то же самое было для Шанайи в Америке?

Она жаждала почувствовать дыхание своего мужчины, ощутить тепло его тела. После рабочего дня, развлечений и подиумов, все, чего она хотела, вернувшись домой, - это вот так лежать в объятиях мужа, отбросив все проблемы и наслаждаясь их спокойным временем вместе.

Она слегка прикрыла глаза и лениво положила голову на плечо мужа, не желая двигаться.

Твен, обнимая Шанайю, жадно вдыхал аромат ее волос.

Затем они оба одновременно почувствовали запах чего-то горящего...

"А! Яйцо!", - воскликнула Шанайа, вскочив на ноги, и ударилась носом о нос Твена. "Дядя Тони?"

", - сказала она, обернувшись в панике, чтобы увидеть, как Твен держится за нос от боли, в то время как он держится за стол сбоку для поддержки, слезы текут из его глаз. Похоже, удар был довольно сильным. "Э... Мне очень жаль, дядя Тони..."

Твен зажал нос левой рукой, а правой указал за спину Шанайи, показывая, чтобы она сначала выключила электричество.

Она в панике выключила его, затем выбросила жареное яйцо со сковороды в мусорное ведро. Покончив с этим, она обернулась, чтобы проверить мужа. Твен уже пришел в себя. Он потер нос и пробормотал: "Ненавижу большие носы..."

Глядя на его минутную слабость, Шанайа не смогла удержаться от смеха.

"Это ты виновница, и ты все еще смеешься!", - сказал Твен, окинув ее свирепым взглядом и вытирая слезу с уголка глаза. "Разве твоя голова не болит?"

Шанайа продолжала смеяться, качая головой.

"Яйца подгорели, да?", - спросил Твен.

"Мм, подгорели", - ответила Шанайа, глядя на мусорное ведро у своих ног. Черное жареное яйцо спокойно лежало там, и она начала смеяться еще больше.

"Позволь мне сделать это", - сказал Твен, готовясь сделать это сам. Шанайа остановила его.

"Позволь мне сделать это, дядя Тони. Но на этот раз ты должен вести себя хорошо", - сказала она.

Твен невинно пожал плечами и сказал: "Я просто обнимал тебя".

Шанайа строго посмотрела на него и указала на обеденный стол: "А теперь садись и приготовься есть!".

Твен сел перед столом, как хороший мальчик, с ножом в одной руке и вилкой в другой, ожидая, когда ему принесут еду.

Только тогда Шанайа улыбнулась и отвернулась, чтобы продолжить готовить свое жареное яйцо.

Они оба наслаждались таким вечером.

Поскольку Шанайа вернулась в Англию и заботилась о Твене, на следующий день, когда он отправился на тренировочную площадку, Твен улыбался и здоровался с каждым встречным репортером. Все чувствовали, что происходит что-то странное. Вскоре команда собиралась посетить стадион "Эмирейтс".

Устроил ли он шоу, чтобы показать "Арсеналу", что он полон уверенности?

Или, может быть, у него действительно был способ обеспечить победу?

Репортеров, наверное, стошнило бы кровью, если бы они узнали правду.

Пирс Броснан все-таки больше всех понимал Твена. Он специально исследовал историю любви между Твеном и Шанайей, когда писал биографию Твена, поэтому он знал причину. Он

спросил Твена, когда тот поприветствовал его: "Ваша жена вернулась?".

Твен кивнул и с улыбкой удалился.

Пирс Броснан погладил свой подбородок и задумался на некоторое время. Окружающие спросили его, о чем он думает, и он ответил: "Я думаю, что элемент неопределенности для "Фореста" решен, "Арсеналу", возможно, придется позаботиться о себе на родной земле...".

Люди вокруг него не могли понять, о чем он говорит. Броснан тоже не стал объяснять, они все равно узнали бы все во время выходных.

На следующий день развлекательный журнал из Лондона, Англия, сфотографировал Шанайю, делающую покупки на улице. На снимке Шанайа была одета довольно обычно, совсем без повадок модели на подиуме, да и одежда ее была не очень модной.

Редактор журнала даже высмеял ее, сказав: "...Шанайа была одета как деревенская старушка". Это не понравилось бы различным модным спонсорам, которые у нее есть, так как было похоже, что она одета в дешевую одежду, купленную на рынке на публике. Те поклонники, которые любят ее, были бы очень разочарованы, увидев эти фотографии. В их глазах суперзвезда не держала в руках никакой фирменной одежды, вместо этого у нее были хлеб, сыр и яйцо. Она просто как домохозяйка...".

На фотографиях, кроме пары солнцезащитных очков, Шанайа вообще не пыталась скрыть свою личность. И казалось, что она не знала, что стала мишенью для папарацци. Она поехала в супермаркет и вышла оттуда с сумками, полными продуктов и предметов первой необходимости. Позже она позвонила кому-то, и редактор журнала подал ей реплики: "Тони, что ты хочешь на ужин?".

На самом деле они были очень точными.

Шанайа действительно звонила Твену и задала этот вопрос... Твен тогда думал о матче "Арсенала" и немного рассеянно ответил: "Только не поджигайте яйца снова". Это заставило его очень долго извиняться перед Шанайей, прежде чем он смог поужинать.

Как все видят, точно так же, как у Тони Твена было не так много друзей в СМИ, так и для его жены было естественно, что над ней будут насмехаться остальные.

Позже, когда Твен привез команду на север Лондона и готовился к матчу с "Арсеналом", он обнаружил в толпе несколько репортеров развлекательных газет.

Вопросы, заданные ему, естественно, касались Шанайи. Твену показалось странным, что журналисты вдруг стали спрашивать о Шанайе.

"Это не имеет никакого отношения к этому матчу, верно?", - сказал Твен. Он не хотел отвечать на личные вопросы во время работы.

"Придет ли она посмотреть матч?" Репортер задал вопрос, который, по его мнению, имел отношение к матчу.

"Это ваше дело, придет ли она?", - ответил Твен с недружелюбным выражением лица, не желая сотрудничать.

На самом деле, Шанайа должна была прийти посмотреть матч. С тех пор, как у Твена

случилась болезнь сердца, Шанайа приходила смотреть матч при каждом удобном случае. Таким образом, она могла быть ближе к Тони и чувствовала себя в большей безопасности.

Венгеру пришлось остудить ситуацию: "Пожалуйста, не задавайте вопросов, не относящихся к матчу, у нас ограниченное время".

Не задавая этих вопросов-сплетен, они могли задавать только очень скучные вопросы. Например, "Насколько вы уверены в победе над "Ноттингем Форест" дома?", "Будет ли травма ван Перси большим ударом для команды?", "Две выездные игры подряд заставят вас почувствовать, что матч будет сложным?", "Действительно ли нет проблем с физической подготовкой команды?".

Никаких конфликтов во время этой пресс-конференции не было. Твен вел себя корректно.

Представители СМИ ушли недовольными.

После окончания пресс-конференции Твен особо поблагодарил Венгера за помощь, оказанную ему ранее.

По сердечной атмосфере между ними трудно было понять, что скоро они вступят в смертельную схватку.

Венгер улыбнулся и сказал: "Я не хочу, чтобы они тебя разозлили. Кто знает, что ты сделаешь, когда разозлишься". Он протянул руку: "Надеюсь, вы будете в настроении выпить после матча".

Твен взял его руку и сказал: "Я не пью, Арсен".

"Сок тоже подойдет, если только вы будете в настроении".

"Почему бы и нет?"

Попрощавшись с Венгером, Твен получил звонок от Броснана. Таинственный тон, которым репортер говорил по телефону, заставил Твена подумать, что он очень назойлив.

"Привет, Тони. Эм... Возвращение Джорданы благотворно повлияло на твой финальный спринт?", - спросил он.

"Это интервью?"

"О нет, это определенно не интервью, и оно не будет публично опубликовано. Мне просто немного любопытно..."

"С каких пор вы стали так интересоваться сплетнями, прямо как эти развлекательные репортеры, мистер 007?"

"Он, он...", Броснан мог только криво усмехнуться.

Твен вздохнул, в любом случае, это не было большим секретом: "Да, теперь вы счастливы, мистер 007?".

"Ах... Спасибо! Теперь я понимаю!" Броснан взволнованно положил трубку.

Твен пожал плечами, глядя на свой телефон.

Даже если Шанайа технически не была "хорошей женой", ему все равно нужна была жена, чтобы подтолкнуть его сзади во время спринта...

Дома Шанайе всегда нравилось лежать в его объятиях, но во время спринта, чтобы стать чемпионом, он чувствовал за спиной нежного, но твердого человека. Пока этот человек был рядом, ему казалось, что дорога, усеянная колючками, ровная и гладкая, а впереди хорошая погода.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2071811>